

~ Злата Хитрова ~

Запретный дуэт.
Между ненавистью
и любовью

Злата Хитрова

**Запретный дуэт. Между
ненавистью и любовью**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Запретный дуэт. Между ненавистью и любовью / З. Хитрова —
«Автор», 2026

Я приехала в престижную танцевальную академию за мечтой. Но на прослушивании меня унизили и почти выгнали. Артём Волков, богатый сын декана, неожиданно выбрал меня своей партнёршей. Только не из-за таланта. Ему нужна была удобная девушка, способная скрыть его травму и выдержать любые нагрузки. Он называл меня дикаркой, ломал мои правила и требовал полного подчинения. А когда я отказалась, лишил дуэта, стипендии и крыши над головой. Теперь у меня один шанс: победить в закрытом танцевальном конкурсе, куда мне запрещают выходить. Я готова бороться за сцену. Но что делать, если мужчина, разрушивший мою мечту, вдруг признаётся в любви? И попросит меня вернуться.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Злата Хитрова

Запретный дуэт. Между ненавистью и любовью

Глава 1

На третьем этаже я остановилась, согнувшись пополам. До прослушивания ещё один пролёт, а вдохнуть толком не получается. Лифт стоял с понедельника; бумажку «Не работает» кто-то заботливо приклеил на обе створки. Чтоб уж наверняка. Я оттолкнулась от перил и побежала дальше. В лосинах хрустнул шов — единственные приличные, с рынка, бабушка ещё торговалась за них. Только разойтись по заднице перед комиссией им и оставалось. Семь минут опоздания. На дешёвых часах секунды бежали как ни в чём не бывало, и хотелось стукнуть циферблат: ну погоди ты хотя бы сейчас.

Большую дверь пришлось толкнуть плечом. Скрипнула она так, что я сама на секунду замерла. У длинного стола повернулся декан Волков, за ним — остальные из комиссии. Девушки в трико смотрели на меня без всякого стеснения: можно было пересчитать все поднятые брови. Лиза Смирнова стояла посередине свободного места. Из её светлого пучка не выбился ни один волосок. А у меня прядь прилепилась ко рту, на футболке под мышками расползлись мокрые пятна. Лиза всё это заметила. Перевела взгляд на колени, потом чуть сморщила нос. Вот же гадина. Я убрала прядь и выпрямилась.

— Марина Ковалёва? — Декан водил ручкой по списку. — Вы опоздали. Прослушивание окончено для вас.

На объяснение про лифт не хватило воздуха. Да и как объяснять, когда он уже поставил ручку рядом с моей фамилией? Я держала сумку перед животом, будто у меня всё ещё был шанс спокойно переодеться и дожждаться очереди. Поставила её у стены. Связку, которую гоняла все выходные, он увидит. Даже если потом всё равно выгонит.

Лиза не подвинулась; пришлось пройти сбоку и остановиться перед столом. Музыку мне никто не включил. Я начала со счёта — совсем тихо, одними губами. На выпад воздуха хватило, на скручивание уже нет. Опустившись на колено, прижала ладонь к паркету: он был гораздо скользче пола, на котором я репетировала. Оттолкнулась, успела подняться до следующего счёта. Ещё раз выдохнуть, ещё одно движение. Волков что-то говорил соседу, но к середине связки умолк. Я услышала, как звякнула ручка о стол. Смотреть им всё-таки пришлось.

Лиза пошла на меня, когда я вышла в поворот. Слева от неё было полно места, справа стояла я. Она выбрала справа. Плечо попало в живот; от неожиданности я даже не смогла втянуть его. Нога ушла с опоры, и баланс, ради которого я сюда неслась, едва не закончился прямо под коммиссионным столом.

Я согнулась от удара и уже приготовилась встретить пол коленом. Но поворот ещё тянул меня дальше. Пустила его, не пытаясь остановиться на месте, сделала лишний оборот и раскинула руки. Паркет наконец перестал уплывать из-под подошвы. Опорная нога дрожала так мелко, что это наверняка было видно в зеркале. Я держала стойку, уставившись в точку над деканской головой. Лизе досталась улыбка — натянутая, зато с зубами. Живот болел, и улыбаться становилось всё противнее. А я улыбалась.

Кто-то у стены охнул. Я досчитала ещё два, прежде чем опустить свободную ногу. Лиза стояла рядом и поправляла бретель; пальцы с первого раза промахнулись. Попробуй теперь сказать, что ты ничего не сделала. Здесь все смотрели.

Но радость длилась секунду. Декан хлопнул в ладоши, и мне пришлось опустить руки.

— Вулгарно, — отрезал он, даже не глядя на меня. Он смотрел на Лизу, хотя говорил со мной. — Ваша техника грязная, Ковалёва. Ваше тело не слушается головы, оно слушается инстинктов. Здесь учат искусству, а не дикости. Прочь. Сейчас же.

На «прочь» я всё-таки отступила. Сделала шаг к сумке и увидела на её ручке след от своих мокрых пальцев. За этим я ехала в академию? Выслушать, что я дикость, пока девчонка, которая меня толкнула, стоит в двух метрах и ждёт? Я повернулась к столу. На декане был дорогой костюм, но ручку он держал совершенно обычную. Такую же можно купить у нас возле рынка.

— Искусство живёт там, где есть кровь, а не только пудра, — сказала я. Получилось тише, чем хотелось. Но Волков услышал, и соседка по комиссии посмотрела на него. У стены прыснули, Лиза уже открыла рот. Договорить ей не дал голос от колонны: — Она нужна мне.

Артём Волков до сих пор стоял у задней стены. Я видела его там краем глаза, но не думала, что он вмешается.

Когда он пошёл к нам, студентки отступили. Узнала лицо с афиши — подбородок, серые глаза, даже привычный наклон головы. Только на афише он не был таким высоким. Я едва доходила ему до плеча. У декана он остановился на секунду, и отец убрал ручку. Кто-то передвинул мой лист из стопки отказов. Это я тоже заметила, хотя смотреть старалась только на Артёма.

— Этот дуэт будет моим, — сказал Артём. Будто объявлял место следующей репетиции. — Эта дикарка нужна мне для дуэта.

Он подошёл ко мне вплотную. Я чуть отступила, но его ладонь уже лежала на талии, и бок упёрся в пальцы. После Лизиного толчка там всё ныло. Он держал уверенно, как перед поддержкой: вывернуться можно, но для этого придётся устроить возню на глазах у комиссии. От рубашки пахло дорогим парфюмом и разогретой кожей. Я поймала себя на том, что смотрю на его рот. Тут же отвернулась. Очень вовремя, Марина. Тебя только что называли дикаркой.

— Ты... ты меня не знаешь, — попыталась я возразить, но голос сорвался. — Тебе и не нужно знать, — ответил он, и в его взгляде мелькнуло что-то опасное, голодное. — Ты уже согласна. Или ты хочешь вернуться в свою деревню и пахать поле?

Если откажусь, декан опять возьмётся за ручку. Если соглашусь, придётся слушаться человека, который разговаривает со мной как с купленной мебелью. И всё равно я здесь останусь. — Будем танцевать. Артём едва заметно улыбнулся. Декан уже кивал кому-то из комиссии; мой ответ он, кажется, даже не дослушал.

Когда объявление о дуэте было сделано, я вышла в коридор, чувствуя себя опустошённой. В раздевалке меня ждал сюрприз. Лиза Смирнова стояла у шкафчика, держа в руках стаканчик кофе. Она посмотрела на меня с той самой улыбкой, которая предшествует удару.

— Поздравляю с новым статусом, — протянула она сладко.

И плеснула кофе мне в лицо. Я успела отвернуться; горячие брызги обожгли щёку и шею. Остальное попало на единственную чистую репетиционную футболку — по ткани расплзлось коричневое пятно. Жидкость текла по подбородку, капала на грудь, остывая на коже.

— Теперь ты пахнешь так же, как твои амбиции, — прошептала Лиза, наклонившись ближе, так, чтобы никто другой не слышал. — Грязно.

Я втянула воздух сквозь зубы. Лиза ждала крика, но услышать его я ей не позволила. Я медленно стянула мокрую футболку через голову, оставаясь в спортивном топе. У умывальника я прижала к щеке мокрую ладонь. Кожу щипало даже под холодной водой. Выжала футболку над раковиной и закинула в сумку. Мимо Лизы прошла молча. В коридоре двое студентов замолчали при моём появлении, потом ещё одна девчонка у лестницы отвела глаза. До утра они не знали моей фамилии. Теперь переглядывались: та, которую Волков взял в дуэт. Вместо того чтобы радоваться месту в дуэте, я думала, где взять чистую футболку на завтра.

Глава 2

В четвёртой студии двери закрыли. Без чужих глаз стало легче, но лишь до первой команды Артёма. Здесь пахло магнезией, на матах виднелись потёртые полосы. Я провела носком вдоль края: мат лежал плотно, о паркет не зацепишься.

— Повторяй связку, — скомандовал он, указывая на маты. — Подъём над головой. Раз. Два. Три.

На первом подъёме я запоздала с корпусом. Артём поднял меня и почти сразу отпустил; спина встретила мат, прежде чем я успела сгруппироваться. Он стоял над головой, ожидая, когда встану. Я перекатилась на бок. Мат спасал от удара, но плечо всё равно саднило.

— Опять ошибка в центровке, — холодно заметил он, пока я поднималась, растирая ушибленное плечо. — Работаем над доверием. Твоё тело должно верить моему.

На следующей попытке талию сжали ещё крепче. Вверху я видела потолок и его лицо, но не пол — от этого делалось страшнее. Потянулась рукой к плечу, пытаясь вернуть привычную опору. Он не дал. Доля секунды без хватки, потом вниз; я успела выставить руки и встала на четвереньки. Пальцы заболели от удара. За спиной Артём уже говорил, как именно я всё испортила. Хотелось послать его, не поднимаясь.

— Ещё раз, — потребовал он.

К четвёртой попытке плечо стало двигаться свободнее, к пятой я перестала успевать за его командами. На десятой просто позволила ему поднять меня: сил спорить с хваткой уже не осталось. И вдруг успела. Он перенёс ладонь, я вытянула ноги раньше, чем начал отпускать, и несколько мгновений висела над ним в нужной линии. Дыхание сбилось от страха, зато в зеркале мы выглядели красиво. Я задержала взгляд на этом отражении. Хотелось ещё секунду наверху, где никто не видел моих разбитых пальцев. За желание тут же стало стыдно: я десять раз грохнулась на мат, а теперь радуюсь, что он наконец доволен.

Когда он поставил меня на пол, пришлось придержаться за его рукав. Убрать руку сразу не удалось — ноги дрожали. Артём посмотрел на мои пальцы и улыбнулся. — Вот теперь похоже. Я всё ещё хватала воздух. Потом спрошу, обязательно ли было ронять меня десять раз. Сейчас хотелось хотя бы дойти до двери, не шатаясь.

Выйдя из студии, я задержалась у скамейки в коридоре: надо было убрать мокрую футболку подальше от телефона. Пока рылась в сумке, Артём прошёл мимо и скрылся в кабинете декана. Дверь оставил приоткрытой. Я остановилась у двери: из кабинета слышалась моя фамилия. Ладонь застыла на молнии сумки.

Голос Артёма долетел до меня, приглушенный дверью.

— ...Она не профессионал, отец. Она сырой материал. Именно то, что мне нужно.

— Ты уверен, что это безопасно? — спросил декан. Его голос звучал устало, болезненно. — Люди начнут задавать вопросы. Почему Волков взял в партнёрши провинциалку?

— Потому что у меня травма колена, которая мешает делать сложные поддержки, — ответил Артём. В его тоне не было стыда, только циничная честность. — Мне нужен был кто-то достаточно сильный и бесстрашный, чтобы маскировать мой дефект своей «дикостью». Если я буду использовать Лизу или других классических балерин, они сломаются или будут жаловаться. Марина — инструмент. Она выдержит нагрузку. Она не чувствует боли так, как они. Она привыкла к грязи.

«Не чувствует боли». Я прижала пальцы к холодной стене и попробовала разогнуть их по одному. Средний не слушался сразу. Как удобно он всё объяснил: деревенской можно делать больно, ей привычно. Я стояла перед дверью с мокрой футболкой в сумке и наконец поняла, зачем ему понадобилась. Не талантливое открытие, не партнёрша на равных. Ему нужно, чтобы я вытянула номер там, где его колено уже не выдерживает. А потом ещё спасибо сказала.

Я собралась уйти, пока он не вышел, но остановилась. Ведь он сам признал, что без меня ему трудно. Выберет другую — колено здоровее не станет. Комиссия видела, как он объявлял про дуэт. Сразу выгнать меня, значит, объяснять, зачем брал. Я посмотрела на свои пальцы и сжала их, насколько смогла. На завтра у меня теперь был ответ. Он скажет «ещё раз», а я спрошу про колено. Можно тихо. Можно при всех — пусть сам выберет.

Свет в коридоре мигнул. Дверь кабинета открылась шире — вышел Артём. Я стояла слишком близко, чтобы притвориться случайной прохожей. Его лицо ничего не выражало, но он перевёл взгляд с моего лица на приоткрытую дверь.

Он остановился так близко, что между нами нельзя было поднять сумку. Я прижала её к бедру. Его рубашка ещё хранила тепло студии, а меня знобило после холодной стены. Поднять глаза было трудно: я знала, что он увидит страх. Подняла. Пусть заодно увидит, что я не ушла.

— Ты моя, — произнёс Артём. Так тихо, что я невольно наклонилась к нему, и тут же пожалела. — И если ты хоть раз посмотришь на Дениса, я сломаю тебе ноги. Метафорически. Или нет.

Лампа над нами мигнула и погасла. Из кабинета декана под дверь падала тонкая полоса света. Я смотрела в неё, пока Артём стоял рядом, и старалась не выдать дрожь в коленях. Завтра мне предстояло снова войти с ним в студию. И на этот раз я знала, чем рискует он.

На второй день я уже знала, куда поставить сумку, чтобы никто не наступил. Отнесла к стене четвёртого зала и размяла плечо: вчерашний ушиб отзывался на каждый подъём руки. Подошвы скрипели по канифоли. Артём ждал в центре; я ещё не подошла, а он уже велел повторить поддержку. С утра даже воды выпить не успела.

— Ещё раз, — бросил он поверх последних тактов. — Поддержка «Полёт». Твои руки слабые, Марина. Ты повисла на мне, как мешок с картошкой. А я здесь не для того, чтобы таскать на себе груз твоего непрофессионализма.

У зеркала сидели студенты, которым повезло получить перерыв. Я видела их лица в отражении: один приподнял брови, девушка рядом уже улыбалась. Вошла Лиза. Дочка ректора могла опаздывать сколько угодно, её фамилию не вычёркивали. Она оценила мой мокрый лоб, потом ногти. Следы вчерашней студии из-под них вычистились не до конца.

— Гляди-ка, дикарь в клетке, — протянула она так громко, что эхо разнеслось по залу. — Тебе бы в лесу прыгать, а не в балетном классе. Смотреть больно.

Артём коротко усмехнулся. — Игнорируй шум, Ковалёва. Концентрируйся. Если упадёшь ещё раз — останешься на полу до конца репетиции.

От рывка вверх в животе стало пусто. Я пыталась вытянуться, но привычное движение пошло раньше команды: плечо повело за собой корпус. В контемпе так начинался поворот, а здесь нужно было замереть и держать линию. Артём сместился на здоровую ногу. Почувствовала это по хватке — пальцы съехали по боку и снова сжались. Пол вдруг оказался гораздо ближе. У зеркала хмыкнули.

К полу я уже шла боком. Стоило отпустить поворот — и я бы ударилась бедром.

Я докрутила корпус и выбросила ногу, освобождая место. Для классики вышло неприлично широко. Для меня — достаточно, чтобы успеть поставить стопу под себя. Артём качнулся следом, но я уже выскользнула из его рук. На приземлении пришлось сделать ещё один мах, иначе завалилась бы. У зеркала больше не смеялись. Я выпрямилась: вот теперь можно обсуждать мою технику.

— Что это было? — Артём опустил на пол, всё ещё держа руку поднятой. Я уже стояла перед ним, а он словно ждал, что я вернусь в его ладонь.

— Это называется «не быть куклой», — выпалила я, тяжело дыша.

Лиза фыркнула, делая шаг вперед, встав между мной и зеркалом. — Техника грязная. Ноги не закрыты, корпус завален. Тебя научат или нет? Или ты думаешь, что если будешь махать руками, как мельница, то станешь примадонной?

На полу под Лизой остался чёрный след от моего кроссовка. Я стянула футболку, оставаясь в топе, присела и провела мокрой тканью по паркету. Она ждала ответа про примадонну, а я никак не могла дотянуться до конца полосы. — Подвинься. Ты мешаешь. Пришлось сказать дважды. Со второго раза до неё дошло.

Лиза шагнула в сторону. На щеках выступили пятна; девушка у зеркала закрыла рот ладонью. Я ещё раз протёрла пол и встала.

— Хватит болтать. Артём перехватил запястье, когда я пошла убрать футболку к сумке. От сандалового запаха уже першило в горле. Я попыталась выдернуть руку. — Ты нарочно сбиваешь мой темп. Это саботаж.

Он толкнул меня к зеркалу. Стекло за спиной было холодным. Попыталась вывернуть кисть, но сильнее зажала её между его пальцами. В зеркале рядом отражались рукав и моё перекошенное лицо. Я уставилась ему в ворот рубашки, лишь бы не встретиться взглядом с сидевшими у стены.

— Отпусти, — выговорила я, не поднимая головы. Запястье уже саднило.

— Почему ты не извиняешься? — спросил он тихо, склоняясь ниже. Его дыхание обжигало мою шею.

Он наклонился, ожидая, что я наконец скажу нужное. Я подняла глаза. — Потому что ты двигался слишком медленно. Для моего темпа. Повтори элемент. Сейчас.

Артём замер. На секунду показалось, что он сейчас сломает мне руку. Но потом его хватка ослабла. Он отступил на шаг. Задержал взгляд на моих ногах, потом снова посмотрел в лицо. — Покажи, как ты вышла из поворота, — сказал он. Уже без угрозы остаться на полу.

Глава 3

За следующий час я умудрилась стереть колено о пол. Сначала заметила жжение, потом мокрую полосу на лосинах. После поддержек стояла, опираясь на здоровую ногу, и думала, сколько ещё осталось. Вошёл Денис, молодой ассистент педагога. Он нёс аптечку и воду. Посмотрел на колено и сразу открыл коробку.

— Марин, тебе нужно обработать рану. Денис присел, осторожно коснулся кожи рядом с ссадиной. Я едва не ухватила за его плечо: хотелось, чтобы кто-нибудь придержал меня хотя бы минуту. — Методика Волкова — это насилие над телом. Так нельзя работать.

Артём, стоявший у барьера, резко обернулся. — Денис, ты мешаешь процессу. Уходи. Ты портишь дисциплину своим жалким состраданием. Здесь не благотворительная столовая.

Денис покраснел, но не убрал руку. — Я забочусь о здоровье студентки.

Бинт в руках Дениса был белый, чистый. Странно, на что обращаешь внимание, когда устала. Он мог обработать колено, дать мне воды, сказать, что сегодня хватит. И я бы согласилась — очень хотелось согласиться. Только завтра Артём объявит, что я не выдержала нагрузку. А мне нужно место в труппе, не ещё одна причина остаться за дверью.

Я молча забрала у Дениса бинт. Он придержал край, помогая мне оторвать нужную длину. — Спасибо, Денис, — сказала я ровным голосом, не глядя на Артёма. — Но мне нужна не жалость. Мне нужно доделать связку.

Я отвернулась от обоих мужчин, намотала бинт на колено и снова вышла в центр зала. Бинт цеплялся за лосины. Я осторожно согнула ногу, проверяя, выдержит ли повязка кувырок, и попросила включить музыку с начала. Денис остался у стены с аптечкой. Артём ждал в центре. К нему я подошла сама.

Когда остальные ушли, я поставила музыку тише и вернулась к связке. В коридоре погасили свет. У пианино горела одна лампа; я тренировалась там, где она доставала до пола. На месте Артёма оставалось пустое пространство. Приходилось угадывать, как подойти к плечу, где он задержит подъём. Без партнёра всё получалось слишком легко.

Артём вошёл, когда я пробовала поворот с начала. Пиджак расстёгнут, рукава закатаны. Смотрел он не на зеркало, а на меня. — Ты всё ещё здесь? Я остановилась на середине движения. Хотелось ответить «как видишь», но после всего дня рот едва шевелился.

Он подошел ближе, останавливаясь у меня за спиной. — Ты неправильно держишь корпус. Левое плечо выше правого.

Он сейчас начнёт объяснять плечо, потом таз, потом всё остальное. Ещё час замечаний я бы не выдержала. — Выключи музыку.

Артём удивленно поднял бровь, но выключил музыку. Потом погасил лампу у пианино. Только тонкие полосы света из окна освещали пыль, летавшую в воздухе. — Что ты делаешь? — спросил он в темноте.

— Танцую с тобой, — ответила я. — Без музыки. Без контроля. Только дыхание.

Сначала я почти не двигалась: в темноте боялась задеть его колено. Он сделал шаг, я нашла ладонью грудь под рубашкой. Сердце билось быстро, хотя он вроде бы только вошёл. На повороте запоздал, задел мой кроссовок подошвой. Я придержала плечо, и мы попробовали снова. Медленно, под свой вдох. Рука осталась на пояснице; я ждала, когда пальцы сожмутся, но ладонь только поддерживала. Можно было думать о движении, а не о том, с какой стороны сейчас станет больно.

На следующем повороте ладонь на пояснице осталась открытой. Я могла отойти. Вместо этого шагнула ближе, так что ткань его рубашки коснулась моего топа. Он выдохнул у моего виска — и дождался, пока я двинусь первой.

Утром он снова стоял у станка с аккуратной причёской. Листы с нотами перебирал так, будто вчера мы разошлись после обычной репетиции. Я остановилась рядом. Ни взгляда, ни слова про ночь. Наверное, Расскажи я о ней кому-нибудь, он бы ещё потребовал доказательства.

— Комиссия будет через три дня, — объявил он, не поднимая глаз. — Наш дуэт представлен на закрытом просмотре. Либо мы исполняем хореографию идеально, либо я расторгаю контракт. Ты потеряешь стипендию, Марина. Это ультиматум.

Я расправила пальцы, чтобы не впиться ногтями в ладонь. Стипендию он уже обещал отнять. Сколько можно? — Хорошо. Но финальную позу я меняю. Старая выглядит как капитуляция. Я хочу стоять, а не лежать у твоих ног.

Артём задержал взгляд на месте у своих ног, где я должна была закончить связку, потом перевёл его на меня. Помолчал и кивнул.

Следующие два дня мы почти не выходили из зала. Лиза заглядывала то утром, то к концу репетиции, делала замечание о моей технике и уходила. На третий раз она задержалась.

За день до просмотра. Мы отрабатывали вход в зал. Лиза «случайно» оставила лужицу воды на паркете ровно в точке, где я должна была сделать резкое скольжение. Артём посмотрел на воду и скрестил руки. Я ждала, что он остановит музыку. Пришлось решать самой — на разбеге, за два шага до мокрого места.

На разбеге блеск влаги оказался прямо у носка кроссовка. Обойти — собью связку. Наступить всем весом — упаду. В последний момент перед контактом с полом я изменила траекторию. Вместо обычного скольжения опустилась ниже, перенесла вес на сухой участок и пустила свободную ногу по мокрому паркету. Она ушла дальше, чем я рассчитывала. Пришлось быстро подтянуть корпус и завершить волну руками, чтобы не завалиться на бок.

Я выскользнула из лужи, как рыба, и завершила связку идеально. У двери хлопнули двое студентов, заглянувших на репетицию. Лиза резко повернула к ним голову.

Артём стоял, будто я всё ещё должна была закончить. Челюсть напряглась. — Оставим эту волну. Только без воды. Я прикусила щёку, чтобы не заулыбаться. Ещё утром он велел ничего не менять.

На просмотре я считала только входы в поддержку. Остальное уже было отрепетировано до тошноты: музыка начиналась, и нога находила нужное место сама. Софиты били в лицо. Последнюю позу удержала стоя, как и требовала, хотя дыхание уже срывалось. За столом поднялись. Первые хлопки я не сразу поняла — решила, что декан снова останавливает нас. Но хлопал и он, и остальные.

Стоило опустить руки, ноги размякли. Артём подошёл; пальцы ещё дрожали после финальной поддержки. Я посмотрела на них и приготовилась услышать «хорошо». Он промолчал. Только наклонился к уху.

Я повернула голову, почти задев его щекой. Теперь он говорил только мне, и от этого стало жарче, чем под софитами. Губы оказались совсем рядом с мочкой. Нелепо было надеяться на поздравление, но я всё ещё ждала.

— Ты играешь с огнем, дикарка, — прошептал он. — И я собираюсь убедиться, что ты не сгоришь... или не сожжешь меня вместе с собой.

От его слов мурашки побежали по спине. Я вытащила локоть из его руки. После слов «не сожжёшь меня» хотелось улыбнуться. После всех падений на маты — уйти, прежде чем он потребует повторить ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.